

A high-angle, top-down photograph of a man and a woman walking away from the camera on a sandy beach. They are holding hands and walking towards the ocean. The man is on the left, wearing a white t-shirt and dark shorts. The woman is on the right, wearing a long, flowing white dress. The ocean is a vibrant blue with white foam from breaking waves. The sky is not visible, as the image is a full-page background.

Кира Алиева

Третий
шанс

Кира Камилловна Алиева

Третий шанс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73535863

SelfPub; 2026

Аннотация

Я вижу: на комодe, рядом с его часами, светится экран телефона. Тонкая полоска голубоватого свечения в ночной темноте. Как глаз циклопа, пристальный и не моргающий.

«Не надо, – мгновенно проносится в голове. – Это просто уведомление. Какое-нибудь приложение. Или обновление системы. Не надо».

Но ноги уже несут меня к комоду. Без моего разрешения. Руки, холодные и чужие, тянутся к телефону. Палец сам проводит по экрану. Тихий щелчок. Приглашение в предательство.

Я беру телефон и, как вор, на цыпочках выхожу из спальни. Закрываюсь в ванной. Сажусь на холодный кафельный пол, прислонившись спиной к двери.

«Позволь себе не быть марионеткой, – шепчу я сама себе. – Позволь себе знать».

И я начинаю читать.

Кира Алиева

Третий шанс

Третий шанс

Глава 1

Мы идем с Варей из детского сада по нашему обычному маршруту под серым, низко нависшим осенним небом. День выдался промозглым и хмурым – холодный ветер срывает с деревьев последние желтые листья, кружит их в воздухе вихрями и швыряет под ноги, пропитывая все вокруг запахом сырости и гниющей листвы. Мелкий дождь моросит не переставая, заставляя капли стекать по моим волосам и воротнику пальто, а асфальт блестит скользкой, маслянистой пленкой. Варя, закутанная в яркий комбинезон и шарфик, что-то увлеченно рассказывает, размахивая пухлыми ладошками с зажатой в них пластилиновой поделкой – фигуркой смешного ежика. Я невольно улыбаюсь, гляжу на нее, стараюсь отогнать внезапный озноб, который пробирает не только от сырости, но и от какой-то смутной тревоги, поселившейся в груди еще с утра.

Мы проходим мимо «У фонтана» – того самого уютного кафе с теплым светом в панорамных окнах, которое стало для нашей семьи почти сакральным местом. Мы часто заглядывали сюда втроем, чтобы отпраздновать наши маленькие триумфы: успех моего первого мастер-класса в «Школе ис-

кусств», ту грамоту от районной администрации за вклад в развитие района или просто удачный день, когда поток клиентов не иссякал. Кафе манит ароматом свежей выпечки и кофе, обещая уюта и тепла в любую непогоду.

Я случайно бросаю взгляд в панорамное окно и замираю, как вкопанная. За нашим любимым столиком в глубине зала, у окна с видом на фонтан, сидит Валентин. Мое сердце замирает – пару секунд я глупо надеюсь, что это деловая встреча с очередным поставщиком, как он часто оправдывается своими поздними отлучками. Но реальность ударяет под дых, острее любого ножа. Рядом с ним сидит молодая женщина с роскошными длинными волосами цвета спелой пшеницы, уложенными в идеальные волны. Она одета в облегчающее платье цвета слоновой кости, которое подчеркивает стройную фигуру, и на шее у нее поблескивает тонкая золотая цепочка – такая же, которую я видела в витрине ювелирного на прошлой неделе.

Сердце снова пропускает удар, когда я перевожу взгляд на Валентина. Он смотрит на нее с тем особенным, бесконечно нежным восхищением, которое я всегда считала своей исключительной привилегией – тем взглядом, от которого тают мои колени, а вселенная сужается до нас двоих. Весь промозглый вечер вокруг перестает существовать: ни дождь, ни ветер, ни щебет Вари – только эта сцена, выжженная в моем сознании. Я наблюдаю, парализованная ужасом и неверием, как его пальцы медленно и ласково поглаживают ее руку,

скользя по запястью. Женщина улыбается – игриво, наклоняясь ближе, и ее губы шевелятся в тихом шепоте, который я, конечно, не могу услышать, но чувствую каждой клеткой.

А затем происходит то, что окончательно выбивает почву из-под ног, превращая мою душу в руины. Валентин привычным жестом – тем самым, который я вижу, когда он достает кошелек для семейных трат – запускает руку во внутренний карман своего пиджака и достает оттуда толстую пачку пятидесяти тысяч купюр, перевязанную резинкой. Он кладет деньги перед ней так спокойно и обыденно, словно просто оплачивает счет за ужин, а не предает все, что между нами было свято. Она, не тая восторга, убирает эти проклятые купюры в свою сияющую стразами сумочку с улыбкой сытой, довольной кошки – жест такой естественный, такой отточенный практикой, что мороз пробегает по моей спине.

В этот момент мир вокруг меня окончательно рушится. В ушах звенит невыносимый звон, заглушающий нарядный шум кофейни, плеск фонтана и даже голос Вари. Мои пальцы мертвой хваткой вцепились в крошечную ручку дочки – такую теплую, такую доверчивую. Она увлеченно щебечет о своем ежике, размахивая поделкой, не замечая, что ее мать только что превратилась в соляной столп, окаменевший от предательства. Внутри меня взрывается стихийное, первобытное желание: ворваться туда, опрокинуть этот чертов столик с фарфоровыми чашками, сорвать маски и закричать так, чтобы задрожат стекла и разбежались посетители. Мне

хочется видеть его страх, его растерянность, его ложь, разлетающуюся в клочья.

Но я смотрю вниз. Огромные, доверчивые глаза Вари, в которых отражается бесконечное солнце ее детской радости, останавливают меня, как якорь. Я не могу разрушить ее космос здесь, среди запаха ванили и фальшивого уюта. Сглатываемая подступивший ком, я разворачиваюсь резко, словно от удара. Мои ноги становятся ватными, чужими, будто я заново учусь ходить по этой земле, которая теперь кажется мне враждебной и холодной, как эта осень. Мы идем мимо глянцевого домов нашего престижного района, мимо витрин, где совсем недавно мы с таким азартом выбирали мебель для студии, мимо припаркованных машин, сверкающих хромом под тусклым светом фонарей. Каждый шаг отдается резкой, жгучей болью под ребрами, а ветер хлещет по лицу, смешиваясь со слезами, которые я не позволяю себе пролить.

Как быть? Этот вопрос пульсирует в висках, разрывая меня изнутри, словно раскаленные клещи. Я стою посреди нашей идеальной, выверенной до мелочей «успешной жизни» – с ее дизайнерским ремонтом, семейными фото на стенах и планами на будущее – и понимаю, что фундамент, на котором я строю свой храм, оказался гнилым месивом лжи. Но самым страшным стала не сама измена, хотя она жжет, как кислота. А эти пятитысячные купюры. Овеществленное предательство. Неужели это деньги «Студии»? Нашего общего детища, в которое я вкладываю не просто силы – я вли-

ваю в него свою душу, веру, бессонные ночи и любовь. Деньги, которые мы по крупицам собираем для нашего будущего, для независимости, для Вари, для ее образования и сказок на ночь... Он отдает их этой женщине так легко, словно это просто сдача после кофе.

А ведь всего утром, под тем же серым небом, все было иначе. Я стою у машины на подъездной дорожке, еще сонная, провожая его на работу. Он выглядит таким родным – небритый, в любимой рубашке, которую я гладила вчера вечером. "Удачного дня, любимый" – шепчу я, он притягивает меня к себе, не отрывая взгляда. Наши губы встречаются в страстном, жадном поцелуе – таком, от которого кружится голова, а тело вспыхивает знакомым огнем. Его руки скользят по моей талии, прижимая ближе, и он шепчет: "Пока, солнышко". Я таю, как всегда, веря каждому слову, каждой ласке. Я и подумать не могу, что у него есть любовница – эта паразитка с идеальными волосами, что всего через несколько часов он будет смотреть на нее тем же взглядом, ласкать ее руку и отсчитывать наши общие деньги, словно конфеты из рожка. Как я могла быть такой слепой?

Я останавливаюсь на пороге нашего дома – нашего общего проекта, нашей крепости с белыми стенами, панорамными окнами и ароматом лаванды от диффузора. Ключ в руке дрожит, холодный и тяжелый, как свинец. Дождь усиливается, барабанил по навесу, а Варенька тянет меня за руку: "Мамочка, пошли домой, я устала!" В этот миг я понимаю,

что стою на краю бездны. Переступить порог и надеть маску равнодушной тишины, готовя ужин и улыбаясь, как ни в чем не бывало? Сделать вид, что я ослепла, глуха и счастлива? Или встретить его у дверей с вопросом, который, я знаю наверняка, превратит всю нашу сказку в пепел – "Кто она, Валентин? И почему наши деньги теперь в ее сумочке?"

Глава 2

Я вхожу в квартиру, стряхивая с волос капли дождя, Варя тут же срывается с места, бросив рюкзачок у двери.

– Мам, можно мультики? Пожалуйста!

Я киваю, улыбаясь сквозь ком в горле:

– Конечно, солнышко. Садись на диван, я сейчас принесу тебе чай с печеньками.

Она плюхается на подушки, включает свой любимый канал с яркими зверушками, и ее личико тут же освещается счастьем – окружение мультиков надежнее всего на свете.

Я чмокаю ее в макушку и тихо ухожу в ванную, запираясь на защелку.

Включаю кран на полную, чтобы шум воды заглушал мои всхлипы, сажусь на край ванны и даю волю слезам. Вода льется холодной струей, смешиваясь с солеными дорожками на щеках, а в голове вихрем проносятся воспоминания – те самые, светлые, как летний рассвет.

Мы знакомимся на лекции по теории живописи в университете. Нам по девятнадцать, мы такие молодые, красивые,

наивные – полные грез о большом искусстве и большой любви. Преподаватель решает соединить нашу группу с другой для совместного проекта, и вот я вижу его: светловолосого голубоглазого мальчишку в потертой джинсовке, с улыбкой, от которой сердце замирает. Валентин сидит на подоконнике, жуя яблоко, и шутит с одноклассниками так заразительно, что вся аудитория хохочет. "Эй, художница, – подмигивает он мне, – давай нарисуем революцию красок?" Я краснею, но отвечаю: "Только если ты будешь моей музой".

Наш юношеский роман разгорается, как лесной костер. Он ухаживает за мной просто, трогательно – без ресторанов, но с такой заботой, что я не сомневаюсь во взаимности. Приносит полевые цветы, сорванные по дороге: ромашки, васильки, колокольчики, перевязанные бечевкой. Я смеюсь, когда он, смущаясь, пытается спеть мне старую песню под гитару, фальшивя, но с такой страстью.

У него всегда прекрасное чувство юмора: он пародирует препода, сочиняет глупые стишки про мои кудри и умеет рассмешить меня даже в хмурый день. Его харизма цепляет меня крепче любого каната – этот парень из простой многодетной семьи, с руками, огрубевшими от работы, живой, настоящий, полный огня.

Я же расту в состоятельной семье – папа владеет крупным строительным бизнесом, мама следит за всем этим хозяйством. Но они растят меня в духе: "Докажи сама, что чего-то стоишь". У меня самые обычные подруги – мы болтаем

о парнях, экзаменах и шмотках из секунда. Заносчивость – это не про меня, до сих пор. Папа, конечно, покупает мне однокомнатную квартиру еще на первом курсе, но я в ней не живу. Если бы я получила права, он тут же подарил бы мне модный автомобиль, но я хочу простой жизни: ходить на лекции с девчонками, гулять после пар с Валентином по парку, есть мороженое на скамейке. Мне такая жизнь мила – без блеска, зато с теплом.

Многие шепчутся: "Софа, он тебе не ровня". Мама пару раз намекает: "Доченька, ты могла бы рассчитывать на красавчика с дипломом и связями". Но я вижу в нем равного – душу, которая горит ярче любых денег. После университета мы устраиваем настоящую сказочную свадьбу – шумную, богатую, на весь город! Папа снимает роскошный зал в ресторане с хрустальными люстрами и живым оркестром, столы ломятся от изысков: икра, трюфели, шампанское рекой. Гостей сотни – друзья, родственники, коллеги папы с их шикарными женами в мехах. Я вхожу под звуки менуэта в платье своей мечты: струящееся белое атласное с открытой спиной, расшитое жемчугом и кружевом, шлейф метра два, корсет идеально обнимает фигуру, а фата из тончайшего тюля ниспадает каскадом. Валентин стоит у окна в строгом смокинге, словно сказочный принц, его глаза горят только для меня – он не отрывает взгляда, шепотом повторяет: "Ты моя богиня". Мы кружимся в первом вальсе под бурные аплодисменты, шампанское искрится в бокалах, а над рестораном рас-

цветает ослепительный фейерверк. Гости кричат "Горько!" до хрипоты, и эта ночь становится чистым волшебством, где сбываются все мечты.

Ни тогда, ни за все шесть лет нашей совместной жизни я и не задумываюсь, что всему этому может когда-нибудь прийти конец. Я так безумно влюблена в Валентина, что доверяю ему на все двести процентов – он мой мир, мой воздух. И он отвечает той же страстью: в этом не усомнился никто за все наши годы – друзья завидуют, мама тает, папа гордится: "Валик – золото, любит тебя по-настоящему". Мы женимся и переезжаем в ту самую папину квартиру.

Валентин работает в фирме отца менеджером по поставкам. Он старается изо всех сил, учится на ходу, и у него получается блестяще. Отец хвалит его: «Голова на плечах». Зарплата растет, и мы копим на свои мечты.

Я работаю в фирме папы год, а затем ухожу в декрет. Вскоре рождается наша Варенька – крохотная, с голубыми глазами отца и моими кудряшками. Мы так счастливы, что стали полноценной семьей! Лежим ночами втроем на узкой кровати и шепотом делимся планами. Мы по-настоящему богаты любовью.

Когда Варе исполняется годик, я ловлю себя на мысли, что наша крошка – истинная художница. Она размазывает пальчиками краски по бумаге, лепит из пластилина смешные мордочки и даже пытается «рисовать» на стенах. Я смотрю на нее и вспоминаю свое детство: как папа водил меня

на уроки рисования, как я часами витала в мире красок и форм. «А что, если...» – мелькает в голове. Идея рождается внезапно, как вспышка: открыть школу искусств для детей. Не просто кружок, а настоящую студию, где малыши с двух лет развивают талант через живопись и лепку. Я представляю яркие классы с мольбертами, маленькие ручки, сжимающие кисти, и счастливые лица родителей.

Вечером я укладываю Варю спать и тяну Валентина на кухню. Мы завариваем чай и садимся за стол – он усталый после работы, но с той самой теплой улыбкой.

– Слушай, милый, – начинаю я, волнуясь, как девчонка, – у меня идея. Давай откроем школу искусств! Для самых маленьких. Я займусь всем бумажным: регистрацией, договорами, поиском помещения. А ты станешь гением технической части: спроектируешь классы, освещение, сделаешь интерактивные панели. Мы сами, без папиных денег, докажем всем, что можем!

Валентин замирает с чашкой в руках, а потом его глаза загораются – точно так же, как в день нашей свадьбы.

– Школа искусств? Для карапузов? Софиюшка, это гениально! – он вскакивает, обнимает меня и кружит по кухне. – Ты – мой вдохновитель! Я уже вижу это: экологичные материалы, светлые студии, мои системы вентиляции и подсветки. Мы сделаем лучшую школу в городе!

Он в восторге, целует меня и так и сыплет идеями: «А VR-очки для виртуальных галерей? А 3D-принтеры для лепки?» Мы говорим до полуночи, рисуя наброски прямо на салфетках. Его поддержка окрыляет меня – он не просто соглашается, он загорается, как факел.

Варе два года, и мы открываем «Школу искусств» – нашу собственную студию. Я отвожу дочку в детский сад, хотя она еще не совсем готова к садовой жизни: плачет по утрам и цепляется за мою юбку крохотными ручками. Но я знаю – это правильно. Мне очень хочется помочь Валентину: дать ему шанс заработать на наше будущее и воплотить мечту своими силами. Конечно, я могла бы попросить денег у папы, но нет! Мне важно доказать и себе, и завистникам, шептавшим когда-то «он тебе не ровня», что мой Валентин – самый лучший. Он добивается всего сам.

Вся юридическая и организационная сторона лежит на мне. Я регистрирую ИП, бегаю по инстанциям, ищу помещение в центре, нанимаю педагогов, оформляю рекламу. Валентин, талантливый инженер с творческой жилкой, отвечает за технику: проектирует вентиляцию, устанавливает умное освещение, сооружает подиумы и стеллажи из дерева. Он даже придумывает «волшебные столы» с подсветкой для рисования в темноте.

Мы открываем двери в сентябре. Первый день проходит волшебно: двадцать малышей, родители в восторге, а Ва-

ренька гордо сидит за мольбертом. Валентин обнимает меня на виду у всех и говорит: «Мы сделали это вместе, любимая». В этот миг я – счастливее всех на свете.

Глава 3

Осеннее солнце пробивается сквозь щели в шторах тонкими, острыми иглами. Это особенное утро – холодное, лишённое летней неги. Свет не согревает, а безжалостно обнажает каждую деталь в спальне: ворсинки на ковре, трещинку на плафоне, пылинки, застывшие в ледяном оцепенении. Золотые лучи ложатся на одеяло, подчеркивая только серость наступившего дня, приносящего с собой не облегчение сна, а тяжелую, свинцовую ясность.

Рядом раздаётся мерное, безмятежное храпение Валентины. Этот звук, когда-то домашний и уютный, теперь вызывает лишь глухое раздражение. Он спит так спокойно, словно вчерашнего предательства не существует, словно наша жизнь не рухнула в одночасье, когда я увидела его в кафе с другой. Я гляжу на его расслабленное лицо и чувствую странную пустоту. Буря, бушевавшая в душе ночью, утихла, оставляя после себя выжженную землю. Желание кричать или бить посуду сменилось холодным, почти хирургическим безразличием.

Вчера я встретила его в коридоре сухо, без слез. Просто сказала, что иду спать, и заперлась внутри себя. Ночью я мучаюсь от мыслей о Вареньке – их связь с отцом неразрывна, они «не разлей вода». А мой папа? Если он узнает, он вы-

швырнет Валентина из нашей жизни одним быстрым, властным движением, не глядя на заслуги и годы брака. От этих мыслей, устав от невидимых миру слез, я забываюсь тяжелым сном.

– Доброе утро, – бормочет он, потягиваясь.

– Доброе, – отвечаю я, поражаясь собственному голосу. Он звучит ровно, как у диктора новостей.

Завтрак проходит в звенящей нормальности. Я варю кофе, накладываю кашу Варю, подаю Валентину тосты. Я наблюдаю за собой со стороны и удивляюсь своей выдержке. Мое терпение превращается в стальной каркас, который не дает мне рассыпаться. Валентин шутит с дочкой, целует её и ни один мускул на его лице не дрогнет от груза лжи.

– Я в душ, – бросает он, когда тарелки пустеют. – Потом отвезу вас.

Я собираю Варю в детский сад. В коридоре стоит тишина, прерываемая лишь шумом воды из ванной. И тут на тумбочке звякает его телефон.

Я никогда не была из тех женщин, что шпионят по карманам или проверяют переписки. Мы живем в полном, абсолютном доверии – по крайней мере, я так думаю. Но в этот момент какая-то неведомая сила заставляет меня подойти ближе. Экран вспыхивает, и во всплывающем окне я вижу сообщение от неизвестного номера: «Я хочу тебя».

Все вокруг окончательно замирает. Никаких сомнений не

остаётся. Связь моего мужа с той девушкой из кафе оказывается далеко не мимолетным знакомством. Это не «ошибка» или минутная слабость. Вряд ли за разовую интрижку поощряют плотными свертками пятитысячных купюр, которые я видела вчера. Эта связь – давняя, прочная, выстроенная за моей спиной.

Валентин, талантливый инженер-архитектор, и здесь остаётся верен себе. Он проектирует свою двойную жизнь так тщательно, как лучшие здания: с надежным фундаментом лжи и безупречным фасадом семейного благополучия. Пока я строю уют и верю в наше «навсегда», он выстраивает проект моего уничтожения, выверяя каждый миллиметр обмана.

Я смотрю на Варю и понимаю: как бы ни светило осеннее солнце, тепла в этом доме больше не будет. Проект «Счастливая семья» официально признан аварийным.

Я медленно поднимаю телефон. Рука дрожит, но пальцы холодные и точные. Я открываю переписку. Сообщений не так много, но каждое режет по живому. Лаконичные, деловые, но от этого ещё более страшные. От него: «Жду тебя в пятницу в 19:00. Старое место», «Деньги получила?». От нее: «Надо обсудить дальнейшие шаги». От него: «Я знаю, что делать. Не волнуйся». И последнее, сегодняшнее, от нее: «Я хочу тебя».

Я закрываю глаза. В голове проносятся обрывки последних месяцев. Его частые «встречи с друзьями», которые за-

тягиваются до ночи. Новый пароль на ноутбуке. Разговор о том, что старый знакомый предложил ему проект в какой-то подрядной организации. Взгляд, который стал скользить мимо меня. Я списывала все на усталость, на стресс. Оказывается, проект был один – «она».

Из ванной доносится звук бритвы. Он скоро выйдет. Улыбнется, поцелует Варю, возможно, даже обнимет меня. И пойдет строить свою новую жизнь, сметая старую, как строительный мусор.

Я опускаю телефон на тумбочку. Точнее, почти опускаю. В последний момент палец нажимает на кнопку блокировки экрана. Сообщение исчезает непрочитанным.

– Мама, я готова! – Варина ручка тянет меня за подол пальто.

Я оборачиваюсь. Моя дочь смотрит на меня большими, чистыми глазами. В них отражаюсь я – растерянная, преданная, разбитая.

И в этот миг что-то внутри переключается. Боль, ужас, отчаяние – они никуда не деваются. Они заполняют меня до краев ледяной тяжестью. Но поверх этого льда начинает нарастать другая субстанция. Холодная, твердая, кристально-острая. Ярость? Нет. Нечто более рациональное.

Дверь в ванную открывается. Валентин выходит, улыбаясь, в полотенце на бедрах.

– Все в порядке? – спрашивает он своим обычным бархат-

НЫМ ГОЛОСОМ.

Я смотрю на него. Смотрю не как жена, которая только что узнала страшную правду. А как архитектор, изучающий чертеж чужого, враждебного сооружения. Я вижу каждую трещину в его фасаде, каждый слабый несущий элемент его лжи.

– Все в порядке, – говорю я, и мой голос звучит удивительно ровно. – Мы дойдем сами.

Я веду Варю в сад. Целую ее у ворот, улыбаюсь воспитательнице. А сама думаю. Не о том, как он мог. А о том, что он сделал. И, главное, что он планирует сделать дальше. Сообщения говорят о «дальнейших шагах». Значит, это не конец. Это только начало какого-то плана.

Возвращаясь домой, я уже не плачу. Я думаю о том, как безжалостно он разрушил мой мир. Хорошо. Значит, я построю новый. Но сначала мне нужно аккуратно, по кирпичику, разобрать его собственное шаткое сооружение. И сделать это так, чтобы при обрушении он не увлек за собой нашу дочь.

Я открываю дверь в квартиру. Он уже одет, пьет кофе на кухне.

– Вернулась? Почему меня не дождались? Я хотел вас подвезти! – говорит он, не отрываясь от телефона. – Сегодня, возможно, задержусь. Важный клиент.

Я киваю, подхожу к окну. За стеклом – наш двор, детская

площадка, где Варе нравится качаться.

– Хорошо, – тихо отвечаю я. – Делай, что должен.

И пока он собирается, я уже мысленно начинаю рыть котлован. Глубокий и надежный. Для фундамента моего ответа. Я еще сама не понимаю, каким будет этот ответ, но знаю – он будет окончательным.

Глава 4

Проходит три дня с того кошмарного вечера, когда я увидела Валентина в кафе с любовницей. Три дня ада, где каждая минута – пытка. Я держусь из последних сил, улыбаюсь дочери, веду уроки в школе искусств, но внутри меня завывает ураган. Ненависть, боль, жажда мести – все смешивается в один комок, который душит по ночам. А он? Он ведет себя как ни в чем не бывало: по утрам целует меня в щеку, спрашивает, как дела, и уезжает "по делам". Я молчу. Затаялась. Жду момента.

Сегодня среда, и Валентин должен ехать в соседний город – оформить покупку новых мольбертов для нашей школы искусств. Это важная поездка: переговоры с поставщиком, контракт, подписи. Изначально я планирую поехать с ним – мы часто ездим вместе на такие выезды, болтаем о планах, мечтаем о расширении. Но на этот раз... Нет. Я не могу. Сидеть с ним в машине два часа в одну сторону? Молчать? Улыбаться? Я знаю: нервы сдадут, и я сорвусь. Выплюну все.

– Едем вместе? – спрашивает он утром, застегивая куртку.

Я качаю головой и отвечаю ровно, будто говорю о погоде:

– Не выйдет. Мне надо добить документы для налоговой: счета, отчеты – все навалилось. Если не сделаю сейчас, потом утону.

Он смотрит на меня пару секунд, потом без споров пожимает плечами.

– Ладно. Тогда поеду один. К вечеру буду.

– Хорошо, – говорю я.

Он наклоняется, целует меня в лоб и уже в дверях добавляет:

– Не перерабатывай.

– Постараюсь.

Дверь хлопает. Через минуту под окнами ревет мотор его машины – и в квартире становится тихо. На улице уже всю хозяйничают первые ночные заморозки. Осень вгрызается в город зубами: листья мокнут под дождем, превращаются в грязную кашу, небо висит низко, тяжелое, как свинец. Ветер хлещет по стеклам, стучит каплями, словно молотком по сердцу. Погода добавляет хаоса в мои мысли.

Три часа дня, а уже сумерки. Я сижу в своем кабинете – маленькой комнатке на втором этаже школы искусств, заваленной холстами, кистями и стопками бумаг. Пытаюсь сосредоточиться: сортирую счета, вписываю цифры в таблицы. В голове крутится одно: он возвращается, и что дальше? Развод? Скандал? Или я притворяюсь, что ничего не видела?

Звонит телефон. Резко, как выстрел. Я хватаю трубку, не

глядя на экран.

– Алло? Школа искусств, слушаю.

На том конце провода – незнакомый голос. Женский, усталый, с ноткой спешки. Медсестра? Врач? Не знаю.

– Добрый день. Вы жена Валентина... эээ... – шорох бумаг, – Валентина Сергеевича? Это из больницы скорой помощи, городская клиническая, отделение реанимации.

Сердце ухает в пятки. Я замираю, трубка чуть не выпадает из руки.

– Да... Я его жена. Что случилось?

Пауза. Долгая, как вечность. А потом слова, от которых жизнь раскалывается пополам:

– Ваш муж попал в аварию. На скользкой дороге, не справился с управлением. Влетел под грузовик и его отбросило в кювет. Множественные переломы: ребра, ноги, возможно, позвоночник. Состояние стабильное, но тяжелое. Приезжайте, пожалуйста. Нам нужно ваше присутствие для документов и... ну, вы понимаете.

Слова бьют, как пощечины. Авария. Переломы. Больница. Он жив? – это первое, что проносится в голове. А потом... слезы. Они катятся градом. Мир обрывается еще раз – но теперь иначе. Не от предательства, не от ярости. От ужаса. От любви, которую я думала, что потеряла. Валентин... мой Валентин... Измена? Какая измена? Какая любовница? Все это вдруг кажется мелким, глупым, неважным. Лишь бы он был жив. Лишь бы дышал. Лишь бы я могла взять его за руку,

прошептать: "Я люблю тебя. Не уходи".

Я всхлипываю в трубку:

– Я еду! Сейчас! Адрес?

Она называет. Я бросаю телефон, хватаю сумку – не глядя, сумка шлепается на пол, из нее вываливаются ключи, помада, блокнот. Не подбираю. Вылетаю из кабинета, спотыкаясь о стулья. По коридору – бегом, мимо классов, где дети рисуют акварелью. "София Эдуардовна! Что с вами?" – кричит кто-то из учителей. Не отвечаю. Выскакиваю на улицу.

Капли дождя бьют по лицу, смешиваясь со слезами. Ветер рвет куртку. Я не жду такси – знаю, в такой час пробки, а каждая минута – вечность. Бегу к дороге, поднимаю руку, ловлю машину. "В больницу! Скорой! Пожалуйста!" Первая проезжает мимо. Вторая – тоже. Третья притормаживает. Старый седан, водитель – мужчина лет пятидесяти, с усталыми глазами.

– Куда? – бурчит он.

– В городскую клинику! Травматология! Быстрее, умоляю!

Я вваливаюсь на заднее сиденье, всхлипываю, вытираю лицо рукавом. Машина рвется. В голове – только одна мысль, бьющаяся, как молот: Я люблю его. Люблю! Не готова жить без него. Не хочу его терять. Прости, Валентин. Все прощу. Измену, ложь – все. Только живи. Дыши. Будь со мной. С Варенькой. Мы справимся. Вместе.

Окна машины запотевают от моих слез. Впереди – боль-

ница. Впереди – он. Мой муж. Моя жизнь. И пусть все рушится, лишь бы он выжил.

Я влетаю в больницу с одной мыслью: сейчас, сию секунду, увижу его. Сердце колотится так, будто пытается вырваться из груди. В глазах стоит туман – от слез, от дождя, от ужаса.

– Муж, Валентин Семенов, – выпаливаю я дежурной медсестре за стойкой, задыхаясь. – Его привезли с ДТП. Где он? Я к нему.

Женщина поднимает на меня усталый взгляд, медленно пролистывает журнал.

– Семенов... Да, поступил. Тяжелая сочетанная травма. Перелом бедра со смещением, перелом ребер, множественные ушибы, сотрясение. Сейчас он в отделении реанимации и интенсивной терапии.

– Я к нему, – повторяю я, уже не прося, а требуя. – Я его жена.

– В реанимацию вход посторонним запрещен, – голос медсестры ровный, безразличный, отточенный годами таких вот разговоров с обезумевшими родственниками. – Вам нужно заполнить документы. И подписать согласия.

Она протягивает мне стопку бумаг. Листы сливаются в белое месиво. Где ставить подпись? Что я подписываю? Согласие на операцию? На переливание крови? На то, что они могут его... нет, не думать об этом. Рука дрожит, буквы пляшут. Я ставлю закорючку, похожую на подпись, в отведенных

местах, не вникая. Лишь бы быстрее.

Когда последний лист подписан, я оборачиваюсь к двери, ведущей в реанимацию. Там, за этой дверью, он. Дышит. Борется.

– Все, я пошла, – говорю я, больше себе, чем медсестре.

В этот момент дверь открывается. Выходит молодой врач в зеленом хирургическом халате, с усталым, но сосредоточенным лицом. Он снимает шапочку, проводит рукой по волосам.

– Родственники Валентина Семенова? – произносит он, окидывая взглядом приемную.

– Я! Жена! – шагаю вперед, хватаюсь за край стойки, чтобы не упасть.

Врач кивает, и в его глазах мелькает что-то похожее на облегчение.

– Ваш муж пришел в сознание после операционного наркоза. Состояние стабильно тяжелое, но критический период миновал. Операция прошла успешно.

У меня подкашиваются ноги. Я прислоняюсь к стене.

– Что... что с ним? Что вы сделали?

– Открытый остеосинтез, – говорит врач. – Перелом бедренной кости сложный, со смещением отломков. Мы совместили их и зафиксировали металлической конструкцией – интрамедуллярным штифтом. Это стержень, который вводится в костномозговой канал. Он будет удерживать кость в правильном положении, пока та срастается.

Слезы снова наворачиваются на глаза, но теперь это слезы облегчения. Он жив. Он в сознании.

– Я могу... увидеть его? Хотя бы на минуту? – голос срыгается на шепот.

– Сегодня – нет. Ему нужен полный покой. Завтра, если динамика будет положительной, возможно, переведем его в палату интенсивной терапии, и тогда короткие посещения. Сейчас его организм борется с последствиями травмы и операции. Лучшее, что вы можете сделать, – это сохранять спокойствие и быть на связи.

Я выхожу из больницы в тот же холодный, промозглый день. Но реальность вокруг меняется. Она больше не враждебная, серая пустыня. Она место, где мой муж дышит. Где в его бедре находится кусок медицинской стали, скрепляющий его, а значит, и нас.

Я сажусь в такси, уже не рыдая, а просто глядя в запотевшее стекло. Завтра. Нужно продержаться до завтра. Сообщить Вареньке, что папа будет дома, что ему просто нужно время. Придумать, как сказать это пятилетнему ребенку. И ждать. Ждать утра, когда эти двери откроются для меня. Когда я увижу его глаза – скорее всего, мутные от лекарств, но его. И скажу то, что не сказала утром. Скажу тихо, чтобы не напугать, но так, чтобы он услышал сквозь морок боли и наркоза.

Я люблю тебя. Мы справимся. Вместе.

Глава 5

Три месяца спустя наша квартира наполняется звуками, которые я уже не надеялась услышать так скоро: звоном тарелок, детским смехом и тяжелым, но уверенным стуком костылей по паркету. Валентина выписали.

Врачи называют это чудом и хвалят его «молодой, крепкий организм». Кости срастаются идеально, и хотя в бедре всё еще прощупывается холодный металл, на рентгеновских снимках всё выглядит так правильно, будто и не было того страшного вечера.

На праздничный ужин приходят все: мои родители и родители Валика. Мама суетится на кухне, пытаясь накормить зятя всем лучшим сразу, а наши отцы сидят в гостиной, по очереди проверяя на прочность новые костыли и давая советы по «эксплуатации».

– Ну что, Валя, – папа хлопает его по плечу, – теперь ты у нас официально «железный человек». В аэропорту на досмотре будешь звенеть, готовься к пристальному вниманию.

– Главное, чтобы на кассе в супермаркете не магнитил, – отшучивается Валентин, пристраивая костыли у подлокотника кресла.

Мы смеемся. Варенька крутится рядом, пытаясь украсить гипс папы своими наклейками с единорогами, и в какой-то момент я ловлю себя на мысли, что мне легко. По-настоящему легко.

За эти бесконечные месяцы – между стерильными запахами реанимации, суточными дежурствами, заботами о дочке

и попытками удержать на плаву дела в школе искусств – из моей головы совершенно вылетает то, что еще недавно казалось концом света. Я смотрю на мужа, который осторожно, морщась от привычной боли, тянется за бокалом сока, и не чувствую ни капли той обжигающей обиды.

Удивительно, как беда умеет расставить приоритеты. Всё то, что я знаю о его измене, те сообщения, та женщина – всё это стирается, блекнет, припорошивается госпитальной пылью. Глядя, как он живёт, дышит и улыбается нашей дочери, я понимаю, что правда бывает разной. Бывает правда фактов, а бывает правда жизни. И сейчас его жизнь для меня важнее любой измены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.